

П.В. Кочемаров

ЭНЕРГЕТИКА ИСТОРИИ

*Этнополитическое исследование
Теория этногенеза*

Павел Кочемаров

**Энергетика истории.
Этнополитическое
исследование. Теория этногенеза**

«Грифон»

2017

УДК 323.1+930.85
ББК 63.51+66.0

Кочемаров П. В.

Энергетика истории. Этнополитическое исследование. Теория этногенеза / П. В. Кочемаров — «Грифон», 2017

ISBN 978-5-98862-333-5

Книга посвящена одной из самых актуальных проблем современности – проблеме этногенеза, которая тесно связана с политической историей. За два последних века создано немало теорий, дано множество определений. Однако суть феномена «этнoса» так и не удалось постичь. Для этнической идентификации не важно, где человек родился и кто были его родители. Важно – в какой этнической среде прошло становление конкретной личности. Этнос даётся человеку в раннем возрасте без его сознательного выбора, раз и навсегда. Человек может сменить страну, гражданство, язык, религию, а этнос – нет; родителей не выбирают, этнос – тоже... Для читателей, которые интересуются проблемами древней и современной истории.

УДК 323.1+930.85

ББК 63.51+66.0

ISBN 978-5-98862-333-5

© Кочемаров П. В., 2017

© Грифон, 2017

Содержание

Предисловие	6
Энергетика истории	7
Часть первая	7
Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	14
Глава 4	16
Глава 5	18
Глава 6	20
Глава 7	23
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Павел Васильевич Кочемаров

Энергетика истории

© П. В. Кочемаров, 2017

Теория этногенеза является новым оригинальным подходом к анализу исторического процесса. Прежние концепции обращали внимание на самые разные его аспекты – изучали деяния великих личностей, социальные и экономические процессы, плоды культурного развития, политическую историю...

А силы, создавшие эти культурные продукты, оставались в тени, законы их действия были не выяснены, – лишь изредка мыслители слегка касались этой темы. Так что в исследовании исторических процессов оставалась огромная дыра, которую официальная наука заполняла всякого рода натяжками и ретушью...

...Этносы – субъекты истории.

История творится в рамках этнических коллективов и взаимодействия этих коллективов. Каждый из этих коллективов проходит закономерный путь развития. Закономерности этногенетического развития определяются взаимодействием различных энергий, присущих этнической общности. Этими энергиями движимы силы, вершащие исторические события. Результатом их действий и являются различные политические, экономические, социальные, культурные события и процессы, которые в иных исторических теориях фигурируют в качестве причин.

Предисловие

Данная работа есть попытка внести определённый порядок в огромную грудку материала, накопленного исторической и общественной наукой, в которую каждый новый день добавляет свою порцию. А вместе с тем и попытка чётче прояснить некоторые основные понятия, смысл которых весьма туманен и противоречив, несмотря на то что они находятся в самом широком обращении, употребляются сплошь и рядом. Без всего этого просто невозможно понять – что происходит в нашей стране и в мире? Почему происходит? И что будет происходить далее?

Для отдельного человека нет никакой физической возможности не то что переварить, но даже бегло ознакомиться со всей массой информации, поставляемой ежегодно и ежедневно в этой обширной области знания. Так что, очевидно, задача заключается в том, чтобы найти метод, с помощью которого можно было любой исторический факт, попавший в поле вашего зрения, поставить на своё определённое место.

Попытаться разрабатывать такую фундаментальную тему, по поводу которой написано бесчисленное количество томов, на голом месте – означает почти с неизбежностью ещё раз изобрести велосипед. Гораздо продуктивнее взять за основу наработки какого-либо из предшествующих направлений исторической мысли. Ни старая, марксистско-ленинская теория, ни новая (для постсоветской России) либерально-западная идеология меня решительно не удовлетворяли. В конце концов единственным питательным источником оказалась традиционная русская культурно-историческая школа и теория этногенеза Льва Гумилёва, которая мной рассматривается как естественное продолжение и развитие идей этой школы.

Далеко не все положения теории Гумилёва оказались, на мой взгляд, верными. Это потребовало определённой пере- и доработки; результаты её изложены в первой части, – с ними необходимо ознакомиться для верного понимания выводов.

Во второй части с позиций обновлённой теории этногенеза рассматриваются конкретные исторические явления и процессы.

Засим, памятуя мудрое изречение одного пожилого человека о том, что достоинства предисловий измеряются их краткостью, позвольте завершить вступление и перейти к делу.

Энергетика истории Этнополитическое исследование Теория этногенеза

Часть первая Теория этногенеза

Глава 1 Этнос

Слово «этнос» стало в последнее время весьма популярным с лёгкой руки Льва Гумилёва. Что же оно означает?

В общетеоретическом смысле этнос – не только центральное понятие этнологии, но и одна из фундаментальных категорий обществознания вообще. Эта категория находится в тесных отношениях с другими важнейшими категориями общественных наук, как то: нация, государство, политика, культура и т. д. Поэтому без чёткого прояснения понятия «этнос» очень трудно правильно определить и другие важнейшие понятия и их взаимные отношения. Невозможно также без этого уяснить суть таких явлений, как национализм, демократия, глобализация; причины и направление развития процессов либерализации, демократизации, национальных движений и конфликтов, которые составляют основное содержание современной мировой политики и общественной жизни. Излишне объяснять, как дорого обходится народам непонимание либо игнорирование политиками этнических закономерностей.

Важность проблемы этноса хорошо осознаётся учёным сообществом. У понятия «этнос» не было недостатка во внимании исследователей. За минувшее время создано множество теорий и дано множество определений. Однако с этой темой происходило нечто странное: суть феномена «этноса» неизменно, с дьявольской неуловимостью ускользала из рук. Само количество определений говорит о решительной неудовлетворённости достигнутыми результатами.

Нет ни возможности, ни смысла перечислять и анализировать все многочисленные определения этноса. Ведь они, в сущности, довольно однообразны и все сводятся к классификации либо по какому-то внешнему признаку, либо по той или иной сумме таких признаков. Как типичный образец, для примера можно привести официально принятое в советское время определение Бромлей: «исторически сложившаяся на определённой территории устойчивая совокупность людей, обладающих общими, относительно стабильными особенностями языка, культуры и психики, а также сознанием своего единства и отличия от других подобных образований, фиксированным в самоназвании (этноним)»¹.

В этом определении, как и во множестве ему подобных, правильно перечислены признаки этнического коллектива, но нет самого главного. Слово «этнос» имеет два основных значения: во-первых, так называют некий людской коллектив, этническую общность (синоним понятия «народ»); во-вторых, «этнос» – это связь, объединяющая людей в данный коллектив. Причём самое важное и коренное в понятии «этнос» – именно этническая связь. Достаточно выявить специфический характер этнической связи, и этнос будет уже невозможно спутать ни

¹ Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983. С. 56–57.

с каким другим людским коллективом. Именно потому до сих пор не было дано удовлетворительного определения этноса, что искомая специфика постоянно ускользала.

Легко показать и многократно уже было показано, что этническая связь не идентична ни одному из вышеперечисленных признаков, – ни язык, ни культура, ни религия, гражданство, общность территории и т. д. не являются универсальным этническим определителем. То есть ни один из них не содержит в себе собственно этническое. А если этнического нет ни в одном из признаков, то его не будет и в совокупности этих признаков: сумма нулей равна нулю.

Да и вообще, уподобление этноса одному из признаков социальной классификации равнозначно отрицанию этноса как реальности. Кое-кто из философов и социологов, поняв, что этнос не существует как социальный феномен, поторопились объявить его явлением мнимым, не существующим. Но это ошибка, так как отсюда следует лишь тот вывод, что если этнос реален, то он имеет не социальную природу.

Некоторое оживление в это унылое положение дел внёс Лев Гумилёв, объявивший этнос феноменом биосферы. Он верно определил, что этнос – явление не социальное, что «этнос и социум понятия несоизмеримые и лежат в разных плоскостях». Но гумилёвское определение этноса вряд ли можно признать удачным. Вот одно из них: «Этнос – феномен биосферы или системная целостность дискретного типа, работающая на геобиохимической энергии живого вещества в согласии с принципом второго начала термодинамики»².

На первый взгляд очень сложно и заумно. Но, присмотревшись внимательнее, замечаешь, что за сложной терминологией скрывается элементарная суть. Под определение, данное Гумилёвым, подпадает практически любая биосистема, – поскольку все они феномены биосферы и представляют собой системные целостности. Все биосистемы работают на энергии живого вещества; в каждой из них выполняется второе начало термодинамики (равно как первое и третье). Но при чём тут этнос? Стремясь вырваться из рамок шаблонного определения, Гумилёв ещё более необозримо расширил его границы. Если под официально признанное определение подпадают разного рода социальные системные общности, то под определение Гумилёва подпадают вдобавок и множество биологических систем.

Разумеется, раз этнос существует в природе, то он «феномен биосферы». Такой же феномен биосферы, как и любой другой объект, существующий в природе и оказывающий воздействие на окружающую среду. В таком качестве этносом могут заинтересоваться биологи, экологи и географы. И тогда возникнет отрасль естественных наук под названием этнобиология или этноэкология, или ещё какая-нибудь, которая и займётся разработкой данной темы.

Однако наука этнология, сама по себе, есть нечто совершенно иное. Определять её как «естественную», «географическую» – есть просто недоразумение. В России этнология традиционно являлась составной частью исторической науки. И это не случайно: этнос, прежде всего, явление историческое и за пределами исторического процесса неизвестен. При этом надо исходить из понимания исторического процесса, как в основе своей, процесса становления личности. В природе же всё переходит во всё, царит вечное превращение и вечное возвращение к самому себе, а потому и не существует никакой истории.

Возможность применения в этнологии методики естественных наук не делает её (вопреки мнению Гумилёва) естественной наукой. Ведь та или иная методика является общим достоянием науки как таковой. Если какие-то методы были впервые выработаны в рамках одной дисциплины, это не значит, что они – её исключительное достояние. С равным успехом они могут быть использованы в других науках, и между естественными и гуманитарными дисциплинами здесь принципиальной разницы нет. Николай Данилевский и Константин Леонтьев применили естественную систематику и категории к разработке исторического процесса и на основе этого

² Гумилёв Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. М.: Мишель и К°, 1993. С. 15.

добились известных значительных результатов. Но предмет их рассмотрения не изменился – история осталась историей.

Лев Гумилёв утверждал, что этнология – наука естественная, потому что существование этноса связано с изменением ландшафта. Насчёт изменения ландшафта, конечно, верно, – но тут смотря что поставить во главу угла. Если предмет рассмотрения – ландшафт, а этнос трактуется как сила, воздействующая на оный, – тогда это действительно естественная, географическая наука... но не этнология, а ландшафтоведение. Если нас интересует жизнедеятельность организмов и биосистем, а воздействие этноса – лишь один из факторов, влияющих на них, – то это опять-таки естественная наука, но не этнология, а экология. Если же предмет нашего рассмотрения этнос, а его взаимодействие с ландшафтом или биосферой есть лишь аспект его существования в той или иной стадии этногенеза, то здесь перед нами именно этнология – историческая наука, так как предмет её – исторический феномен. Что, впрочем, Гумилёв и сам невольно подтверждает, разрабатывая свою концепцию этногенеза исключительно на историческом материале, поскольку иного просто не существует.

Другое определение Гумилёва: «Этнос – коллектив особей, имеющий неповторимую структуру и оригинальный стереотип поведения»³. Здесь уже знакомое нам перечисление признаков, оставляющее в стороне суть проблемы.

Итак, в историческом аспекте определение Гумилёва не даёт ничего конструктивного. Однако, несмотря на неудачу итогового определения, Гумилёвым сделано для выяснения понятия этнического кое-что важное. В истоке его поиска были верные интуиции, он только свернул не на ту дорогу. Он чётко понял не социальный характер этнического феномена. Отсюда Гумилёв сделал вывод о его природном характере. Он только не понял, в чём заключается особая этническая «природность». Вместо поиска собственно этнической природы Гумилёв углубился в географию и биологию.

А ведь Лев Гумилёв находился в одном шаге от разгадки: «В основе этнической диагностики лежит ощущение»⁴. И далее в его трактате приводится цитата, где прямо говорится о сути дела: «Европейские интеллигенты, переселившиеся в Америку... часто лучше, чем американцы, знали её историю, законы и обычаи. Однако эти люди обладали „знанием“ американской жизни, но не „знакомством“ с ней. Они были не способны понять много такого, что любой ребёнок, выросший в США, чувствует интуитивно»⁵. Да, этнос именно таков. В сознании человека этнос имеет интуитивный, непосредственный, дорациональный характер. Этническое содержание, разумеется, можно разумно осмыслять, но сам по себе этнос внерационален.

При чём же здесь какая-то природность? А вот при чём. В цитированном выше отрывке обратите внимание, что взрослый человек не может органически приобщиться к этносу, частью которого он не был с детства; и любой объём знаний о культуре чужого этноса здесь ничего не изменит. Не имеет никакого значения и субъективное отношение эмигранта к новой этнической среде: нравится она ему или нет, но он таки не станет её органической частью. Русские недаром комически воспринимали «русский патриотизм» немцев, служивших российскому престолу; он казался им чем-то невыразимо неуклюжим, хотя немцы нередко были вполне искренны.

Взрослый эмигрант не станет «своим» в новом этническом коллективе, а дети его станут, – вот в чём дело. Этнос закладывается в человека в его детстве, более всего и глубже всего – в самые первые годы, – «при рождении». Под рождением тут, разумеется, следует понимать не биологическое рождение, а рождение личности. Если ребёнка, родившегося в Италии, в

³ Гумилёв Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. М.: Мишель и К°, 1993. С. 56.

⁴ Там же. С. 49.

⁵ Шибутани Т. Социальная психология. М., 1969. С. 28.

младенческом возрасте перевезти в Америку и там вырастить и воспитать, то он будет американцем, а не итальянцем (исключение составляет случай искусственной изоляции). Для этнической идентификации не важно, где ты родился и кто были твои родители; важно – в какой этнической среде прошло становление твоей личности. В этом и состоит «природность» этноса для человека. Этнос даётся человеку в раннем возрасте помимо его сознательного выбора раз и навсегда. Человек может сменить страну, гражданство, язык, а этнос – нет; родителей не выбирают, этнос – тоже.

«Природная» данность принадлежит к самому ядру понятия этноса, это то, «без чего нет». Но что же такое этнос по содержанию? Этнос представляет собой некоторый коллектив людей, объединённых особой связью. А каждый человек есть личность. «Личность же предполагает, прежде всего, самосознание. Личность именно этим и отличается от вещи»⁶. Вообще, этнос немислим без личности. Этнос выражается только через личность, через её сознание. Не будь его, ничего нельзя было бы сказать не только о том или ином этносе, но и о самом существовании данного феномена. По моему глубокому убеждению, этнос определим только через категорию «личности».

Итак, этнос есть некая общность личностей. А это значит, что в сознании каждой из этих личностей существует некоторая точка, в которой тождественны все личности, принадлежащие к данному этносу. В этой точке они совпадают до неразличимости. Этнос, как связь между людьми, есть особая точка, с которой личность смотрит на мир (в том числе и на саму себя); причём эта точка обща для всех личностей-индивидов, входящих в данный этнос. Для наглядности можно представить это геометрически: если изобразить личность в пространстве в качестве прямой или луча, то этнос будет точкой пересечения всего множества прямых или общей вершиной всех лучей.

В то же время в каждой личности этнос дан целиком и полностью: в отдельной личности присутствует вся полнота этнического содержания. С особенной силой этнос выражается в личностях выдающихся – гениях. Это же имеется в виду, когда говорят о ком-то: «Он русский (француз, американец) с головы до пят». Но и заурядные люди несут в себе свой этнос во всей полноте, – разница только в силе выражения, в степени этнической напряжённости. Но полное тождество личности и её этнического содержания означает, что этнос – явление органическое. Потому что именно организм является реальным тождеством между идеей и телом, идеей и её носителем.

Своей органической природой этнос коренным образом отличается от социума, – поскольку всякий социум есть не организм, а механизм. И этнос, и социум представляют собой людские коллективы, поэтому их часто путают, вернее, пытаются подвести этнос под социальные рамки. Но природа этих двух общностей совершенно различна. Отличие этноса от социума есть просто-напросто отличие организма от механизма. Что такое механизм? Вот как определяет его философ Алексей Лосев: «...имеется общее, но выражается оно так, что ничего частного не привлекается для понимания этого общего. Частное имеет целью только показать общее, голое общее, которое по смыслу своему чуждо всякого частного. Таков всякий механизм. Идея механизма не становится богаче от прибавления к ней отдельных и всех, вместе взятых, частей механизма. Равным образом и отдельные части механизма, будучи объединены одной общей идеей, получают эту идею совершенно в отвлечённом и общем виде. Она их несколько не изменяет как таковых, а лишь даёт свой метод их объединения. Механизм воплощает на себе чуждую своему материалу идею»⁷.

Отсюда понятна разница между этносом и социумом. Изменяет ли этнос человеческую личность? Конечно, ещё как! Можно утверждать, что поведение человека в любой ситуации

⁶ Лосев А. Ф. Диалектика мифа. М.: Политиздат, 1991. С. 74.

⁷ Лосев А. Ф. Диалектика мифа. М.: Политиздат, 1991. С. 46.

во многом предопределено его этническим происхождением. Люди, принадлежащие к разным этносам, по-разному реагируют на одну и ту же ситуацию. А в социуме? Нужна ли ему вообще личность? Да нисколько! Для любой социальной системы необходим лишь послушный исполнитель – «винтик». Личность же вносит в идеальный социальный порядок нежелательный сумбур. Недаром Платон изгнал поэтов из своего идеального государства! Социальная система в своём идеале стремится к сообществу компьютеризованных роботов. Чем меньше личности, тем лучше, – тем отлаженнее работает социальный механизм. «Нам нужны не гении, а добрые подданные», – изрёк австрийский император. И эти слова служат девизом любой социальной системы. А вот этносу нужны гении, – они являются наиболее яркими и полными выразителями его содержания. Много ли можно было сказать о русском этносе без Рублёва, Пушкина, Суворова, Петра Великого, Мусоргского, Сергия Радонежского? В плане социума человек – функционер, в плане этноса человек – герой.

А теперь подойдём к проблеме с другой стороны. Как отметил Л. Гумилёв, «этническая принадлежность в сознании явление всеобщее»⁸. Попросту говоря, всякий может назвать свой этнос. А если не может, то только потому, что находится под влиянием ложной теории этноса. Широко бытует, к примеру, теория, что национальность человека определяется национальностью его родителей; так что человек, чьи родители разных национальностей или не знающий национальности своих родителей (сирота), находится в затруднении. Но, как мы уже выяснили, этнос человека определяется доминирующей этнической средой в пору становления его личности.

Таким образом, этнос для личного сознания – явление универсальное: нет личности без этноса, хотя последний дан с разной степенью интенсивности. Но «если звёзды зажигаются, значит, это кому-нибудь нужно!» Коль скоро этнос неотъемлемо присущ личности, значит, он ей зачем-то жизненно необходим. Зачем же? Подумаем вот о чём: что для личности самое важное? – Безусловно, самоутверждение. Личность явление разноплановое, существующее в разных планах бытия. И она жаждет утвердиться во всех аспектах своего существования. Важнейшие планы личного бытия, с которыми связаны наиболее острые личные переживания, – это временные планы – план времени и план вечности. Здесь не место для анализа этих сложных философских категорий. Необходимо лишь подчеркнуть стремление всякой личности утвердить своё существование прежде всего в этих важнейших планах бытия. Кратковременность, текучесть, конечность существования человеческой личности всегда волновала и потрясала людей, вносила ноту трагизма в их бытие. Иллюстрацией чему служит почти вся художественная литература.

В плане вечности личность самоутверждается через религию. «Религия есть всегда то или иное самоутверждение личности в вечности. Она есть та или иная попытка утвердить личность в бытии вечном, связать её навсегда с бытием абсолютным»⁹. Но личность существует и в плане времени, в истории, которая есть не что иное, как «становление личного бытия»¹⁰. И в этом плане ей также требуется самоутверждение. И вот в истории личность самоутверждается через этнос. Этнос есть форма утверждения личности в истории.

Самоутвердиться в истории индивид может только в рамках определённого коллектива, между всеми членами которого существует некоторое реальное тождество. Данный исторический коллектив и есть народ (этнос). Этническая связь – единственная реальная органическая связь между индивидами в историческом плане бытия. Не будь её, личность была бы совершенно одинока в истории. В самом деле, что фиксируется прежде всего этнонациональным сознанием? «Я француз», «я русский», «я китаец» – означает принадлежность к какому-то

⁸ Гумилёв Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. М.: Мишель и К°, 1993. С. 22.

⁹ Лосев А. Ф. Диалектика мифа. М.: Политиздат, 1991. С. 92–93.

¹⁰ Там же. С. 100.

крупному историческому телу с неизмеримо более длительным сроком существования, нежели у отдельного человека. В результате приобщения к такому крупному телу отдельная личность расширяет узкий мирок индивидуального бытия до целой исторической эпохи, наполняет своё существование историческим смыслом, выходит из бытия атомизированного и укореняется в мире.

Следует заметить, что существует ещё один вид общности, данный личности природно, – это семья. Однако семья не стала историческим феноменом. Причина, видимо, в маломощности и неустойчивости, кратковременности срока существования этого малого коллектива, – в силу чего он не удовлетворяет цели исторического самоутверждения. Семья является лишь многофункциональной ячейкой этносоциальной структуры. Личность впитывает этническое содержание во многом посредством семьи, но оно не является продуктом семьи. Этнос общность надродовая, и русское этническое сознание чётко зафиксировало этот факт в слове «НАРОД».

Этнос – это не обычаи и обряды, не культура и т. п. Этнос – особый оригинальный угол зрения, под которым рассматривается мир. А уже из этого рассмотрения проистекают взгляды, чувства, идеи, законы, обряды, обычаи, эпос, музыка, орнамент и проч. Оригинальное мировоззрение этноса находит выражение в национальной культуре, которая закрепляет и долговременно сохраняет его в качестве традиции. На базе этноса возникает социально-политическая организация (государство), регулирующая отношения между его членами, отстаивающая интересы этнического коллектива в иноэтническом окружении, защищающая его существование от угроз извне и изнутри.

Итак, итоговое определение этноса как особой связи будет кратко: **этнос есть историческая общность, данная человеческой личности природно (при её рождении)**.

Глава 2 Этногенез. Основные понятия

Этногенезом мы называем процесс становления и развития этноса от момента его возникновения до исчезновения. Процесс этот характеризуется закономерной сменой определённых состояний этноса – фаз этногенеза. Мировая этническая история есть череда этногенезов множества отдельных этносов. Многие из них уже завершили своё существование, другие существуют и сейчас; третьи, возможно, ещё не появились на свет божий. Одни этносы оставили богатое культурное наследие, следы других едва заметны в истории; одни прошли полный цикл этногенеза, существование других было прервано неблагоприятными обстоятельствами до естественного конца.

Мы согласны с Л. Гумилёвым в определении начального момента этногенеза. Этносы в истории появляются как бы внезапно (в масштабе исторического времени). На обширной территории долгое время существует некий этнический субстрат; существует стабильно в равновесии с окружающей средой, лишь воспроизводя себя из поколения в поколение. Люди озабочены повседневными нуждами, на большее не дерзают; интересы не выходят за пределы своей семьи, самое большее – своей деревни. Вдруг, в какой-то момент в сравнительно небольшом регионе появляется коллектив людей, обладающий сознанием своей общности и проявляющий явные признаки активности. Он стремится к расширению – завоеванию и освоению окрестных земель, к утверждению своего понимания справедливости и красоты, строит города и храмы, создаёт философские системы и религиозные учения. Возникает качественно новое явление истории.

Появление нового этноса – это качественное изменение исторической среды. И для того чтобы произвести такое изменение, требуется затрата энергии. Поэтому наличие некоего энергетического импульса для запуска процесса этногенеза представляется совершенно необходи-

мым. Всякое качественное изменение в мире имеет скачкообразный характер. Этот скачок, этот энергетический импульс мы вслед за Л. Гумилёвым называем **этническим толчком**.

Но одной энергии для возникновения этноса ещё недостаточно. Новый этнос – это новая культура, т. е. новое идеальное содержание, которое отсутствует в этническом субстрате. И это содержание должно быть сообщено этническому коллективу в начальный момент этногенеза; это необходимое требование для реальности существования этноса. Если этнос есть нечто реально существующее, то он представляет собой некую целость, становящуюся в процессе этногенеза. В этническом субстрате, до появления нового этноса, её ещё нет, а в момент этнического толчка она уже присутствует полностью. Ведь «что такое всякое становление и течение и что нужно для такого становления и течения? Во-первых, необходим предмет, который во все моменты своего становления остаётся тем же самым. Если нет этой абсолютной неподвижности предмета, тогда нет никакого и изменения, ибо нечему тогда и меняться, становиться. Так называемое изменение было бы попросту рядом ничем не связанных между собой совершенно различных предметов, и никакого изменения одного и того же предмета не могло бы и состояться»¹¹.

Мнение о постепенном образовании нового этноса из механического взаимодействия и слияния различных этнических компонентов неизбежно ведёт к признанию категории этноса нереальной, а этноса, как исторического феномена, – несуществующим. Ведь в старых этносах новое этническое содержание отсутствует. Поэтому из любого их взаимодействия оно не возникнет. Повторяю, сумма нулей равна нулю. Этническое сознание отживших этносов не наследуется, наследуются лишь продукты культуры. (У Гумилёва этот вопрос не прояснён. У него выходит так, что после этнического толчка индивиды, которым сообщена избыточная энергия, каким-то образом (неизвестно каким) вырабатывают новый стереотип поведения. Несомненно, что для совместного действия и организации этих индивидов уже должна существовать какая-то основа. Они уже видят этот «стереотип», который ещё не реализован в окружающем мире.)

Таким образом, мы установили, что этнический толчок есть импульс не только энергетический, но и информационный. Так его и определим: **этнический толчок – это энерго-информационный импульс, дающий начало этногенезу** (запускающий процесс).

Исторические данные свидетельствуют, что этносы возникают в небольших по территории областях, широко распространяясь в дальнейшем за их пределы. Римляне возникли в маленькой италийской области Лаций, турки-османы на северо-западе Малой Азии, великорусы – в междуречье Оки и Волги. Такие локальные районы, по-видимому, и являются пространством, на которое воздействует этнический толчок.

Этнический толчок явление кратковременное в историческом масштабе. Этносы же существуют долгие века и даже тысячелетия. Значит, что-то поддерживает их существование, не позволяя им стать быстрой жертвой энтропии. Этот факт приводит к необходимости введения категории **этнического поля**.

Каждый этнос имеет своё силовое поле, которое возникает в результате этнического толчка и поддерживает существование этноса на всём протяжении его становления, структурно организуя этнос изнутри и осуществляя влияние вовне.

Поле воздействует на каждого индивида данного этноса, задавая определённый, присущий ему ритм. Различные этнические поля имеют различные ритмы. Разные индивиды обладают различной чувствительностью к влиянию поля, к восприятию его ритма, что отражается на их жизненном поведении.

Этническое поле характеризуется напряжённостью, которая закономерно изменяется в процессе этногенеза. Изменение напряжённости этнического поля – один из главных факторов,

¹¹ Лосев А. Ф. Бытие – имя – космос. М.: Мысль, 1993. С. 132.

обуславливающих ход этногенеза и особенности отдельных его фаз. Напряжённостью этнического поля определяется степень силы и целостности этноса. С исчезновением этнического поля исчезает и этнос; этнический коллектив распадается на ничем не связанных друг с другом индивидуумов. В реальности, такие индивиды исчезающего этноса попадают под влияние других, более сильных этнических полей и становятся членами других этнических коллективов.

Таковы основные положения теории этнического поля.

Понятие этнического поля, введённое Львом Гумилёвым, одно из самых важных в теории этногенеза. Оперирование этой категорией очень удобно для анализа хода этногенеза. Физическая природа поля, которую пытался выяснить Гумилёв, – проблема, стоящая за рамками исторической науки. Для историка вполне достаточно зафиксировать на историческом материале сам факт их существования. Вообще, для науки вопрос о реальности всех этих толчков и полей не стоит вовсе; равно как и вопрос о реальности атомов, электронов, электромагнитных полей и проч.¹² Все эти понятия имеют смысл как категории, в которых описываются некоторые реальные процессы. Например, физик доступными ему средствами (органами чувств, приборами) фиксирует какое-то изменение физической среды. Для описания и анализа этого изменения ему необходимы какие-то категории, которые он и вводит на основе обобщения накопленных данных. Так появляются атомы и электроны, которые вовсе не являются реально существующими объектами, хотя многие учёные относятся к ним именно так. Но то уже проблемы этих учёных, не имеющие никакого отношения к чистой науке.

Совершенно также историк, фиксируя изменение исторической этнической среды, нуждается в определённом категориальном аппарате для адекватного теоретического описания процесса таких изменений. Этнические поля столь же реальны и нереальны, как поля электромагнитные и гравитационные. И те и другие служат для описания процессов, происходящих в той или другой области реального мира, которые отслеживаются учёными с помощью доступных им средств научного наблюдения. И те и другие не являются реальными объектами, но имеют смысл как категории для характеристики процессов, протекающих в окружающей среде. И ничего другого для науки, собственно говоря, и не требуется.

Глава 3

Природные и социокультурные условия этногенеза

Этнические толчки неравномерно распределяются по поверхности заселённой части Земли. Исторические факты свидетельствуют о том, что одни районы для них более благоприятны, другие – менее. Географический аспект этой проблемы довольно хорошо разработан Львом Гумилёвым. Он убедительно показал, что с точки зрения природных условий наиболее благоприятными районами для возникновения этносов являются регионы с ландшафтным разнообразием: сочетанием лесов и полей, горно-лесных массивов со степями, пустынь и оазисов и т. д. Притом районы эти должны быть достаточно благоприятны по климату для жизнедеятельности человека; слишком суровые условия станут преградой этногенеза. На пространствах же монотонного ландшафта этногенез беден и невыразителен, едва заметен в истории. Общая закономерность, установленная Гумилёвым, здесь такова – этносы зарождаются в местах с ландшафтным разнообразием, а затем распространяются по обширным территориям однообразных ландшафтов.

Со всем этим можно согласиться, но этого ещё недостаточно.

С теоретической точки зрения всякая граница есть зона повышенного жизненного напряжения, так как здесь на небольшой территории сочетаются условия и элементы всех прилежащих пространств. Большинство крупных городов возникли на границе моря и суши (на

¹² Лосев А. Ф. Дialeктика мифа. М.: Политиздат, 1991. С. 38.

морском побережье) либо на берегах крупных рек. Вулканы тянутся цепочками по границам литосферных плит; здесь же громоздятся высочайшие горные хребты. Одним словом, всякая граница – это зона повышенного энергетического напряжения. Поэтому понятно, что именно такие районы служат местами притяжения этнических толчков.

Но границы существуют не только в природе. Лев Гумилёв не обратил внимания на другой аспект зарождения этноса. Для судьбы этноса не меньшее значение, чем природные, имеют этнокультурные, цивилизационные условия его окружения. В этом плане существуют три варианта: этногенез проходит на нецивилизованной территории, вдали от развитых цивилизаций и вне их влияния; этногенез происходит на нецивилизованной территории, но по соседству с цивилизацией; и третий вариант – этногенез на цивилизованной территории.

Из всех вариантов самый благоприятный, пожалуй, второй. В данном случае развивающийся этнос отделён достаточной дистанцией от разрушительного влияния чужеродного этнического поля, но одновременно может заимствовать культурные достижения более развитого общества, что обогащает его культуру и стимулирует рост. В первом случае этногенез идёт более замедленно и в культурном отношении будет, скорее всего, примитивнее и беднее. Однако и этот вариант достаточно плодотворен, а по оригинальности превзойдёт и второй. А вот третий вариант решительно отличается от двух первых в негативную сторону. Дело в том, что для нормального развития зародившегося этноса необходима свобода, т. е. прежде всего свобода от внешнего вмешательства и давления, – а это выполнимо только на нецивилизованной территории. Всякая развитая цивилизация сожрёт новый этнос на корню. Вот почему наиболее благоприятные по природным условиям районы мира – староосвоенные цивилизованные территории так бедны на этническую новизну. Все народы, сыгравшие заметную роль в истории, зародились и окрепли либо вне влияния какой-либо цивилизации, либо вблизи её границ, но на девственной, «варварской» периферии, либо на обломках цивилизаций. Возьмём, к примеру, Средиземноморье: эллины возникают на развалинах микенской цивилизации, римляне появляются по соседству с цивилизованной Этрурией, германцы – вблизи границ Римской империи, славяне – ещё дальше. В цивилизованной Германии доминировали этносы, возникшие на её варварской славянской границе, – австрийцы и пруссаки. Современные народы Западной Европы возникли на обломках Римской империи; а в самой Римской империи на романизированной территории не появилось ни одного нового этноса. И даже напротив, – многие этносы исчезают, растворяются в римском этносе. В одной только Италии исчезают этруски, самниты, галлы, луканы, лигуры, умбры, марсы, вольски, эквы, япиги, бруттии и проч.

Тот же процесс протекает не только в империях, но и в любой цивилизованной стране. В Средние века страны Европы – Германия, Франция, Италия имели на провинциальном уровне пёстрое этническое разнообразие. Сейчас от него мало что осталось; оригинальные субэтнические черты стёрлись, сохранились лишь как воспоминание либо исчезли вовсе. И так везде. Всюду в рамках цивилизации идёт упрощение и обеднение этнических систем. Это «вторичное упрощение» ещё в конце XIX века оплакивал Константин Леонтьев.

Значит, цивилизация враждебна этногенезу. Она не только не способствует возникновению новых этносов, но и пожирает те, что оказались на её территории. Что же происходит? Попробуем найти объяснение в терминах теории этногенеза. После этнического толчка напряжённость этнического поля нарастает, но требуется некоторое время, чтобы поле набрало силу, способную оказывать сопротивление иноэтническому влиянию. Если этнос возникает на территории развитой цивилизации, он сразу же оказывается под мощным влиянием этнического поля старого этноса. Новое этническое поле в таких условиях либо разрушается, либо угнетается на самой ранней стадии развития. Новый этнос либо прекращает своё существование, либо включается в старую систему на более низком, субэтническом уровне.

Однако, несмотря на процесс этнической аннигиляции, в мире до сих пор поддерживается высокая степень этнического многообразия. На смену исчезнувшим этносам всегда при-

ходили новые. Означает ли это, что процесс мирового этногенеза бесконечен, по крайней мере до тех пор, пока существует человечество?

На территории, занятой развитой цивилизацией, процесс этногенеза замирает. Но до сих пор ни одна цивилизация не охватывала весь мир. Все цивилизации, существовавшие прежде в истории, – например, египетская, вавилонская, китайская, эллинская, римская, – были локальными. Наряду с цивилизованной территорией всегда существовала обширная нецивилизованная периферия, где имелся полный простор для зарождения и развития новых этносов.

По-видимому, условием прекращения мирового этногенеза должно быть появление такой цивилизации, которая охватит весь мир. Гумилёв, утверждавший биогеографический характер феномена этноса, считал, что «для создания единого этноса на всей планете нужно уничтожить зональность, циклонические движения атмосферы, разницу между лесом и степью и, уж конечно, горы и долины. Но, к счастью, это невозможно»¹³. Однако тем, кто не считает этнос феноменом биологическим, нельзя разделить оптимизм Гумилёва. Конец мирового этнического становления – вещь вполне мыслимая. Если какая-либо цивилизация займёт весь мир, то возникновение новых этносов прекратится, – для нового этногенеза просто не будет свободного пространства. Человечество станет этнически стареть. Процесс мирового этногенеза устремится к своему концу по мере завершения этногенеза уже существующих этносов. И этот конец будет не чем иным, как концом истории.

Глава 4

Множественность этнических толчков

По мнению Льва Гумилёва, этнический толчок явление редкое: «Возникают толчки редко – два или три за тысячу лет»¹⁴. Так что за три тысячелетия Гумилёв насчитал девять толчков:

I (XVIII век до н. э.);

II (XI век до н. э.);

III. (VIII век до н. э.);

IV. (III век до н. э.);

V (I век н. э.);

VI (VI век н. э.);

VII (VIII век н. э.);

VIII (XI век н. э.);

IX (XIII век н. э.)¹⁵.

Посмотрим, насколько соответствует действительности группировка Гумилёва.

Этнический толчок происходит скрытно от глаз истории. Однако его можно приблизительно датировать и уж во всяком случае адекватно сопоставлять датировки для различных этносов, имея в виду следующее: активность новорождённого этноса начинает проявляться не сразу, а лет через сто; через 150–200 лет с момента толчка этнос разворачивает активную экспансию.

Оставим без внимания первые два толчка. 2-е тысячелетие до н. э. время достаточно тёмное, исторических фактов от него дошло немного, а датировка их варьируется в широких пределах. При таких условиях теоретические построения будут носить скорее гадательный характер.

¹³ Гумилёв Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. М.: Мишель и К°, 1993. С. 315.

¹⁴ Гумилёв Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. М.: Мишель и К°, 1993. С. 345.

¹⁵ Там же. С. 341–345.

Рассмотрим лучше 1-е тысячелетие до н. э., о котором историческая наука говорит гораздо увереннее. Итак, III этнический толчок (VIII век до н. э.). Гумилёв считал, что этот толчок дал начало римлянам, самнитам, эквам, галлам, эллинам, лидийцам, киликийцам, персам.

Нам нет нужды подробно рассматривать этногенез каждой из перечисленных народностей, ограничимся лишь некоторыми замечаниями. Если принять традиционную дату основания Рима – 753 год до н. э., то римляне соответствуют этому толчку. О прочих италиках мало что можно сказать уверенно. Однако, судя по тому, что римляне одержали над ними победу и ассимилировали в конечном счёте, все эти вольски и эквы были всё-таки этносами более старыми.

Галлы, вне всякого сомнения, были этносом более древним, чем римляне. Экспансия галлов развернулась в Европе лет на двести раньше римской. В то время, когда римляне только набирали силу, галлы находились в расцвете своей мощи, – в 387 году до н. э. они разбили римлян и заняли Рим. Когда же римляне вступили в пору расцвета, галлы уже постарели и ослабли и не смогли сдержать напора римлян. Таким образом, этнический толчок галлов не мог быть позднее X или IX века до н. э.

Эллины в VIII веке до н. э. уже развернули активную экспансию в Средиземноморье. Поэтому этнический толчок, давший начало Элладе, следует отнести, скорее всего, к X–XI векам до н. э. Примерно в то же время возникли и лидийцы; в начале VII века до н. э. они уже основали своё царство. Персы в середине VI века до н. э. основали великую империю. Значит, их толчок был не позднее IX века до н. э.

Подведём итоги: вместо одного толчка VIII века до н. э. мы получили как минимум VIII, IX, X, XI века до н. э. – группировка Гумилёва рассыпается на глазах.

Теперь возьмём 1-е тысячелетие н. э., VII толчок по Гумилёву – VIII век н. э.: испанцы (Астурия), французы, немцы (саксы), скандинавы (даны и норвежцы).

Если называть испанцами тот этнос, который объединил Пиренейский полуостров, т. е. кастильцев, – то их в то время ещё не было; они появляются лишь на рубеже X–XI веков. Если подразумевать под испанцами астуров, которые дали отпор арабам в VIII веке и положили начало Реконквисте (эти события, по-видимому, и имеет в виду Гумилёв), то, раз этнос ярко проявил себя в начале VIII века, значит, зародился он как минимум лет за сто до того – не позднее рубежа VI–VII веков; ведь ему необходимо было какое-то время, чтобы набрать силы.

Поскольку надлом французского этноса начался во второй половине XIV века, то этнический толчок, давший ему начало, нужно датировать XI веком. В VIII же веке на территории Франции была полиэтническая мешанина с преобладанием галло-римлян, но французов ещё не было. Неясно также, что Гумилёв имеет в виду, говоря о немцах. Если он говорит о саксах, то саксы уже в V веке завоевали Англию. Значит, их этнический толчок приходится на II–III века. Если же Гумилёв имеет в виду древнегерманский этнос, подразумевая, что начало ему положили саксы, – то хотя такая конструкция вполне возможна, но произойти это могло не ранее IX века, так как сами саксы вошли в состав европейского суперэтноса лишь на исходе VIII века, будучи завоёваны Карлом Великим. И, наконец, о скандинавах: Гумилёв здесь ведёт речь, конечно же, об «эпохе викингов»; но ведь совершенно ясно, что до такого бурного проявления этнос должен пройти несколько веков (как минимум) развития. В лучшем случае толчок произошёл в V–VI веках, а если «эпоха викингов» – фаза обскурации, то ещё много раньше.

В итоге по VII толчку Гумилёва имеем – III, VI, X, XI века, – вновь полный разброс.

В заключение ещё один пример: в рамках IX толчка (XIII век) Гумилёв объединяет литовцев и великорусов. Но если великорусы действительно появились в XIII веке, то литовцы уже в конце XII века повели экспансию на русские земли; а в то время, когда великорусы выходят на пик своего подъёма, Литва погружается в глубокий упадок и фактически исчезает как величина политическая. Несовпадение этногенезов очевидно.

Думаю, этого достаточно. Исторические факты неумолимо опровергают искусственные построения Гумилёва. Вместо концентрированного, сжатого во времени толчка или скопления толчков мы видим более или менее равномерный их разброс. Факты свидетельствуют о том, что этнические толчки происходили в истории достаточно постоянно, что это явление совсем не редкое.

Этнический толчок мы определили как энерго-информационный импульс. Но каждый этнос своеобразен, каждый этнос – оригинальная информационно-идеологическая структура. А это значит, что каждому этносу соответствует единственный этнический толчок и каждый этнический толчок порождает единственный этнос. Положение Гумилёва о том, что от одного толчка возникает несколько этносов, следует признать ошибочным. Эта ошибка – следствие исключительного внимания Гумилёва к энергетической стороне процесса и невнимания к информационному его содержанию.

Поскольку каждый толчок порождает только один этнос, а в мире их насчитывается сейчас несколько тысяч во всех уголках земного шара, то отсюда вытекает множественность этнических толчков в пространстве и времени. Чтобы представить масштабы этой множественности, надо отметить ещё несколько моментов. Во-первых, кроме этносов существуют ещё множество субэтносов, которых гораздо больше, нежели этносов, потому что каждый этнос имеет в своём составе хотя бы несколько субэтнических групп, а крупные этносы – и по несколько десятков. Но ведь субэтносы – это, в сущности, тоже этносы со всеми присущими им свойствами. А раз так, то и возникают они таким же образом, т. е. в результате этнического толчка, – хотя бы и микротолчка по сравнению с этносом более высокого уровня. Во-вторых, этнических толчков, вероятно, гораздо больше, чем реально существующих этносов: нужно вспомнить о том, что этносы, рождающиеся в неблагоприятной природной и социокультурной среде, часто гибнут в зародыше. Возможно, этносов в мире рождается столь же много, как мальков в период нереста, но лишь немногим из них суждено стать взрослой крупной рыбой. В процессе этнического становления толчки происходят постоянно и повсюду. Но реализуются их потенции только там, где для этого есть благоприятные условия. Это жёсткий закон жизни вообще и этногенеза как её частного проявления.

Глава 5

Взаимодействие этносов

Этносы, существующие в мире, сильно отличаются друг от друга по историческим и культурным результатам, достигнутым в ходе своего развития. Одни живут долго, распространяются широко, гремят в истории своими деяниями, оставляют потомкам массу культурных продуктов; другие существуют скромно и незаметно и так же незаметно сходят с исторической сцены, «не бросивши векам ни мысли плодovitой, ни гением начатого труда».

В чём причина этого отличия? Причин, очевидно, две. Во-первых, толчки различаются по силе: более мощный импульс вызывает к жизни и более сильный этнос. Во-вторых, сказывается степень благоприятности окружающей среды. Об этом мы уже говорили. Развитие этноса, попавшего в неблагоприятные условия, угнетается. Малочисленность и небольшие материальные ресурсы какого-либо этноса ещё не критерий богатства его информационного содержания: некоторые «отсталые» народы имеют богатую мифологию, тонкую и выразительную эстетическую культуру. Просто этносы, развивающиеся в неблагоприятных природных условиях, не имеют возможности концентрации – необходимого условия политического усиления и роста цивилизации. Вследствие этого их культура не получает большого развития и распространения.

В неблагоприятном этнокультурном окружении этногенез новорождённого этноса угнетается внешним более сильным этническим полем либо до полного уничтожения, либо ампли-

туда его этногенеза укорачивается, и он прозябает на более низком энергетическом уровне. Этносы, как и организмы в живой природе, ведут борьбу за существование, и горе побеждённому (!).

Таким образом, в результате различных условий появления и развития возникает сложная картина борьбы и сосуществования множества различных этносов.

Этнические толчки захватывают небольшие районы, но затем, по мере роста, этнос начинает территориальную экспансию. На своём пути он встречает другие этносы и вступает с ними в различного рода контакты. Происходит взаимодействие разных этнических полей, каждое из которых характеризуется различной степенью напряжённости и собственным оригинальным ритмом. Различные ритмы могут либо гармонизировать, либо дисгармонизировать.

Здесь теоретически возможны четыре типа этнического взаимодействия:

Первый – взаимодействие равных по силе гармонирующих полей.

Второй – взаимодействие равных по силе дисгармонирующих полей.

Третий – взаимодействие неравных по силе гармонирующих полей.

Четвёртый – взаимодействие неравных по силе дисгармонирующих полей.

Рассмотрим эти случаи по порядку.

Первый вариант относится к разряду чисто теоретических. Даже затрудняюсь привести пример подобного взаимодействия.

Видимо, вероятность встречи во времени двух примерно равных по напряжённости и притом гармонирующих полей слишком мала. Поэтому, поставив здесь знак вопроса, перейдём к более реальным вариантам.

При встрече двух дисгармонирующих этносов неизбежен конфликт. На этнической границе начнётся постоянная борьба (культурная и политическая), которая время от времени будет обостряться вплоть до военных столкновений. Этносы-соперники станут стремиться к расширению за счёт противника, а при удаче и к его полному разгрому и покорению. Но равенство в силах не позволяет кому-либо одержать окончательную победу. И в конечном итоге устанавливается динамическое равновесие: два народа то воюют, то мирятся; заимствуют друг у друга культурные и технические достижения, но при этом остаются самими собой и стабильно сосуществуют. Для иллюстрации можно привести отношения между Францией и Германией или вообще между европейскими державами. Несмотря на вековую вражду, постоянные войны друг с другом, границы между этими странами остались примерно такими же, как и тысячу лет назад.

Теперь рассмотрим сначала четвёртый вариант – взаимодействие неравных по силе дисгармонирующих полей. В этом случае также возникает межэтнический конфликт. Но поскольку один из противников обладает явным превосходством в силах, вероятным исходом борьбы будет полное уничтожение другого её участника. То есть это означает не обязательно физическое истребление представителей более слабой этнической общности, но их ассимиляцию. Уничтожение этноса – это распад и исчезновение его этнического поля, в результате чего индивиды, входившие в его состав, поглощаются этносом-победителем. Пример такого взаимодействия представляет борьба между германцами и славянскими племенами Поморья и Полабья (ободриты, лютичи, руяне, вагры и проч.), которые обитали на территории нынешней Восточной Германии. В XII веке они были окончательно покорены немцами. И хотя физического истребления славян не было, перечисленные этносы практически исчезли. Лишь небольшая группа лужичан сохранила слабое воспоминание о своём происхождении; абсолютное большинство подверглось полной ассимиляции, так что восточные немцы – в значительной степени потомки западных славян. Подобных примеров в истории немало.

Глава 6

Этническая иерархия. Природа суперэтноса

Третий вариант этнического контакта – взаимодействие неравных по силе гармонирующих полей рассмотрим отдельно. Ибо этот вариант самый интересный и плодотворный. Из такого взаимодействия рождается этническая иерархия – уровневая этническая система.

К счастью, отношения между этносами не сводятся только к противоборству, – между ними возможны мир и сосуществование. Насколько редок вариант контакта двух равно напряжённых гармонирующих этнических полей, настолько же распространён контакт подобных полей, неравных по силе.

Суть дела сводится к следующему: когда гармонирующие этнические поля вступают во взаимодействие, ритмы более слабого этнического поля каким-то образом встраиваются в ритмику более сильного; или, иначе говоря, ритмы более сильного поля надстраиваются над ритмами более слабого. Таким образом, становится возможным сосуществование различных этносов в одной этнической системе. Почти любой этнос, кроме самых небольших, представляет собой иерархическую этническую систему.

Как правило, выделяют два уровня этнической иерархии – этнос и субэтнос. Под субэтносом понимают общность, в которую входит часть индивидов этноса, объединённых особенностью местных культурно-бытовых, языковых, конфессиональных и прочих признаков. Индивиды, входящие в субэтнос, с одной стороны являются членами этноса, с другой – имеют этнические отличия от прочих его индивидов.

Так, в составе великорусского этноса (русские) издавна выделялись своеобразием хозяйственно-бытового уклада жители побережья Белого моря – поморы; на основе религиозно-культурных отличий обособились в субэтноты различные группы старообрядцев, расселившиеся по медвежьим углам России; значительным культурно-бытовым своеобразием выделялись среди русских казачьи общества, возникшие на южных границах государства. Субэтнические различия, по крайней мере, в старое время существовали и в Центральной России. Например, Иван Тургенев в своём известном рассказе «Хорь и Калиныч» обратил внимание на резкое отличие во внешнем облике и образе жизни мужиков двух соседних губерний – Орловской и Калужской. В наше время, когда культурно-бытовые особенности во многом нивелированы, обширность территории России и разнообразие природных условий отдельных регионов, сохранившиеся остатки местных традиций всё ещё служат почвой для поддержания отличий на субэтническом уровне.

С точки зрения теории этногенеза субэтнос – тоже этнос, только обладающий существенно меньшей энергетикой, на порядок ниже энергетике этноса, в состав которого он входит. Механизм образования субэтноса следующий – этнический толчок, дающий ему начало, происходит в сфере воздействия поля существующего этноса, которое тормозит рост нового поля. Поскольку ритмы полей гармонируют, полного уничтожения новорождённого поля не происходит, – оно встраивается в наличную структуру и существует на своём уровне.

Возможен и другой вариант образования субэтноса, когда его субстратом служит иноэтническое население. Этнические поля древних самобытных этносов постепенно слабеют, разрушаются, теряют часть оригинальной ритмики. Это создаёт условия для вхождения их в другие этнические системы.

Прежде сильный и самостоятельный, а теперь ослабевший этнос может целиком или частично войти в состав другого этноса на субэтническом уровне. В ходе этнической экспансии французский этнос включил в свою систему многие соседние этносы: гасконцев, провансальцев, бретонцев, эльзасцев, фламандцев и др. Все эти этносы изначально были самостоя-

тельны по отношению к французам. Очутившись в пределах Франции, они постепенно сошли на уровень субэтнических групп французского народа.

Лев Гумилёв обосновал реальность существования суперэтнической общности. Этот феномен проявляется в том, что члены нескольких различных этносов реально осознают своё единство по отношению ко всем прочим этносам. Например, какие бы различия и противоречия ни разделяли немцев, французов и англичан, но по отношению, скажем, к мусульманам – они обнаруживают общность сознания и поведения. И окружающие воспринимают их как некую цельность – европейцы, «франки», «немцы». На наш взгляд, реальность данного феномена не вызывает сомнений. Возможно даже, что суперэтнический уровень – не наивысший и существуют общности ещё более высокого порядка – мегаэтносы: например, Христианский мир, включающий в себя суперэтносы Европейский, Византийский, Российский; или, скажем, такой мегаэтнос, как Исламский мир (суперэтносы – Арабский, Персидский, Туркомусульманский и т. д.). Эта проблема требует дальнейшего прояснения.

По мнению Гумилёва, суперэтнос есть «группа этносов, возникших одновременно в одном регионе и проявляющая себя в истории как мозаичная целость»¹⁶. Общность этносов обусловлена тем, что все они возникли от одного толчка: «Поскольку все они получили один и тот же импульс, они обнаруживают черты сходства. Это их и объединяет в суперэтнос».

Данная гипотеза совершенно опровергается историческими фактами. Последние ясно говорят, что суперэтническая система, возникнув в некотором регионе, отнюдь не ограничивается этим регионом, а расширяется далеко за его пределы. Например, мусульманский суперэтнос, возникнув в Аравии, захватил в свой ареал Северную Африку, Малую Азию, Сирию, Палестину, всю Переднюю и Центральную Азию вплоть до Индии. Этнический толчок, породивший мусульманский суперэтнос, согласно схеме самого Гумилёва, оставил в стороне все эти регионы. То есть суперэтническую целость составили этносы, возникшие не в одном регионе и не одновременно. То же самое в Европе: толчок, создавший суперэтнос, по схеме Гумилёва не захватил ни центральную и восточную её части, ни Апеннины; а между тем в европейский суперэтнос входят поляки, чехи, австрийцы, итальянцы, венгры. Российский суперэтнос объединил множество разных этносов ВосточноЕвропейской равнины, Кавказа, Сибири, Урала и Севера. Таким образом, на самом деле суперэтнические общности составляют этносы, возникшие не в одном регионе, не одновременно и от различных этнических толчков.

Однако если всё вышеперечисленное не объединяет этносы, входящие в суперэтнос, то какое-то сходство между ними всё же должно существовать. Это сходство коренится в ритмике этнических полей. Если этносы принадлежат к одной этнической системе, значит, в их этнических полях присутствует некий общий ритм, – что и объединяет их в целость в противопоставление всем другим этносам.

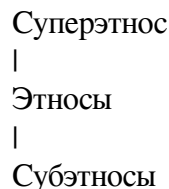
Очевидно, что механизм возникновения суперэтноса совершенно иной, нежели описанный Гумилёвым. Суперэтнос возникает, как и всякий этнос, от толчка в локальном регионе, а затем широко распространяется. Видимо, это столь мощный толчок, что создаётся очень сильное поле, обладающее разнообразной и гибкой ритмикой, способной гармонизировать со многими другими полями. В отличие от обыкновенного этнического поля напряженность суперэтнического поля на порядок больше, поэтому оно способно вовлекать в сферу своего влияния вполне сложившиеся сильные этнические поля. В результате возникает крупная этническая система более высокого уровня.

Хотя процессы образования субэтнического и суперэтнического уровней по сути своей одинаковы и соответствуют третьему варианту этнического взаимодействия, но между ними есть и отличие. Если суперэтническое поле обычно распространяется на уже существующие этносы, то субэтносы чаще всего возникают уже после возникновения этноса – от новых толч-

¹⁶ Гумилёв Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. М.: Мишель и К°, 1993. С. 498.

ков, случившихся в зоне влияния поля этноса. Так появились в России казаки, поморы, чалдоны и другие субэтнические группы русского этноса. На Дон и Терек, в Сибирь пришли великорусы из Центральной России, и лишь впоследствии они приобрели этнические особенности.

Таким образом, из взаимодействия этнических полей с гармонизирующими ритмами возникает трёхуровневая этническая иерархия.

Выделение более низких или более высоких уровней проблематично теоретически и малопродуктивно практически. Трёх уровней этнической иерархии вполне достаточно, чтобы адекватно описать любую этническую систему.

В процессе развития этнические системы проходят стадии роста и упадка. В стадии роста система усложняется: этнос активно выделяет субэтносы, суперэтнос захватывает в своё поле всё новые этносы. В стадии упадка системы, напротив, – с ослаблением суперэтнического поля этносы откалываются от него, субэтносы растворяются в общей этнической массе. Чем сложнее и насыщеннее структура этносистемы, тем сильнее её энергетика, тем она жизнеспособнее. Это и понятно, ведь при истощении энергетических ресурсов одних элементов системы она может воспользоваться возможностями других. С ослаблением и исчерпанием творческих потенциалов одного этноса (субэтноса) в рамках суперэтнической (этнической) системы инициативу в решении системных проблем на новом историческом этапе подхватывает другой этнос (субэтнос). «Владычество переходит от народа к народу», а система в целом остаётся жизнеспособной. Так, в Европе лидирующая роль переходила от одной державы к другой: от Испании к Франции, от Франции к Англии, от Англии к Германии. Китай, благодаря богатству и разнообразию своей суперсистемы, неоднократно возрождался из пепла, восстанавливая государственное единство и силу. При ослаблении и упрощении иерархии с превращением всех индивидов системы в однообразную этническую массу упадок доминирующего этноса означает и упадок системы в целом.

Элементы этнической системы могут переходить с одного уровня на другой. С ослаблением этнического поля прежде самостоятельный этнос может перейти на субэтнический уровень: так случилось с каталонцами и галисийцами в Испании, бретонцами во Франции, кашубами в Польше. С другой стороны, при распаде этнической системы какой-либо субэтнос может развиваться в самостоятельный этнос, выделив в свою очередь субэтнические группы или подчинив другие субэтносы; может он и перейти в другую систему в том же качестве.

Процесс образования суперэтноса, т. е. перехода этноса на суперэтнический уровень, мы уже рассмотрели. С ослаблением суперэтнического поля идёт обратный процесс, – с расколом поля и упрощением структуры суперэтнос станет рядовым этносом: такую эволюцию в XX веке пережил турецкий этнос, а за пять веков до того и практически в том же месте – греко-византийский.

Соответственно этнической иерархии, иерархийно и этническое сознание человека. Одноуровневое этническое сознание присутствует разве что у небольших этносов – изолятов. Прочие люди имеют двух-, трёхуровневое этническое сознание, сочетающее в одном человеке несколько этнических ипостасей. Популярное кое у кого в России в последнее время противопоставления типа казак – или русский, помор – или русский несостоятельны так же, как подобные антитезы, скажем, в Европе: нормандец или француз, арагондец или испанец, саксонец или немец. Противопоставлению подлежат лишь предметы, находящиеся на одном уровне этнической иерархии. Так, во Франции вполне естественно отличать гасконцев от овернцев,

нормандцев от бретонцев, – но на более высоком этническом уровне все они являются французами, соединяются в одну цельную общность. Так и в России законно ставить наравне друг с другом этнические группы казаков и поморов, казаков донских и казаков кубанских; сибиряков, волжан, уральцев; каменщиков и «поляков» (те и другие – различные группы старообрядцев). Но на следующей по высоте ступени этнической иерархии представители всех этих групп выступают как великорусы (кроме кубанских казаков малороссийского происхождения). Причём принадлежность к более крупной этнической общности не только не уничтожает оригинальную самобытность культурного облика той или иной этнической группы, но, напротив, является залогом её сохранения. Если малый этнос в силу каких-то обстоятельств потеряет охранительный покров своего суперэтноса, то самый вероятный исход его существования – быстрая нивелировка его своеобразия в рамках так называемой общечеловеческой цивилизации. Особая значимость феномена этнической иерархии заключается в том, что она даёт возможность мирного сосуществования совместно проживающих этносов. В целостной системе возможна борьба на одном уровне этнической иерархии. Но в вертикальной проекции этносы не вытесняют, а взаимно дополняют и поддерживают друг друга.

Глава 7 График этногенеза

Ход этногенеза, т. е. становление этноса от момента его появления до исчезновения, лучше всего представить в виде графика. Лев Гумилёв даёт такой график¹⁷:

¹⁷ Гумилёв Л. Н. От Руси до России. М.: Дрофа; Наталис, 1996. С. 15.

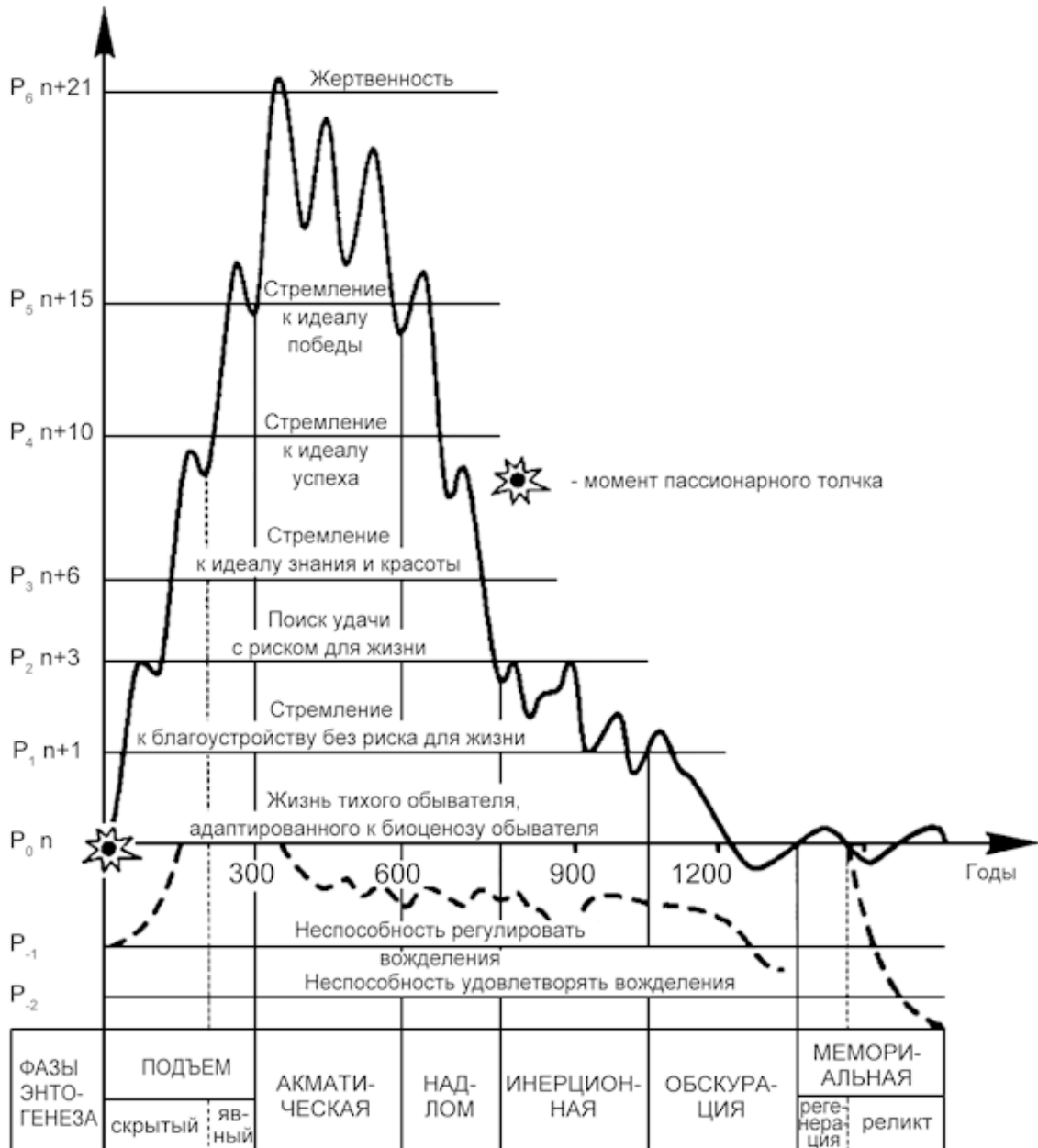

Рис. 1

По оси абсцисс отложены временные фазы этногенеза, а по оси ординат – уровни пассионарного напряжения этноса, которое (по Гумилёву) определяет весь ход процесса.

В целом график выглядит довольно убедительно: действительно, «этногенез – инерционный процесс, где первоначальный заряд энергии расходуется вследствие сопротивления среды»¹⁸.

В результате энергетического импульса, запускающего процесс, возникает поле, напряжённость которого поначалу резко нарастает, а затем постепенно понижается, рассеивается; и в какой-то момент исчезает совершенно. Графиком такого процесса будет асимметричная кривая. Гумилёв красочно сравнивает её с кривой, описывающей сгорание костра или взрыв порохового погреба: «Костёр вспыхнул с одного края. Пламя охватывает сучья кругом и быстро поглощает кислород внутри костра. Температура падает, и окружающий кислород воздуха врывается внутрь поленицы, заставляя угли вновь вспыхнуть. После нескольких вспышек оста-

¹⁸ Гумилёв Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. М.: Мишель и К°, 1993. С. 335.

ются угольки, медленно остывающие и превращающиеся в пепел. Для повторения процесса нужен новый хворост и новая вспышка пламени»¹⁹.

Всё это очень образно и красиво, но перейдём к рассмотрению конкретной разбивки по осям. Ось ординат не стоит большого внимания, поскольку степень «пассионарного напряжения этнической системы» величина вполне умоглядная. По данному параметру график может быть довольно значительно изменён так или этак, лишь бы была сохранена его общая форма.

Гораздо важнее ось абсцисс, временное деление по фазам. Оно делается на основе обобщения исторических фактов и имеет вполне конкретный и объективный характер. Всего Гумилёв выделяет шесть фаз: фаза подъёма (300 лет), акматическая (столько же), фаза надлома (150–200 лет), фаза инерции и фаза обскурации (сильно варьируются в зависимости от исторической судьбы) и последняя фаза – мемориальная (при благоприятных условиях длится неопределённо долго)²⁰.

Схема требует хотя бы краткого пояснения. Слово Гумилёву:

«Первая фаза – фаза пассионарного подъёма этноса, вызванная пассионарным толчком» (этнос растёт, крепнет, развивается и расширяет свои пределы). «Наибольший подъём пассионарности – акматическая фаза этногенеза – вызывает стремление людей не создавать ценности, а, напротив, „быть самими собой“: не подчиняться общим установлениям, считаться лишь с собственной природой. Обычно в истории эта фаза сопровождается таким внутренним соперничеством и резнёй, что ход этногенеза на время тормозится.

Постепенно вследствие резни пассионарный заряд этноса сокращается, ибо люди физически истребляют друг друга. Начинаются гражданские войны, и такую фазу мы назовём фазой надлома. Как правило, она сопровождается огромным рассеиванием энергии, кристаллизующейся в памятниках культуры и искусства. Но внешний расцвет культуры соответствует спаду пассионарности, а не её подъёму. Кончается эта фаза обычно кровопролитием; система выбрасывает из себя излишнюю пассионарность, и в обществе восстанавливается видимое равновесие.

Этнос начинает жить „по инерции“ благодаря приобретённым ценностям. Эту фазу мы назовём инерционной. Вновь идёт взаимное подчинение людей друг другу, происходит образование больших государств, создание и накопление материальных благ.

Постепенно пассионарность иссякает. Когда энергии в системе становится мало, ведущее положение в обществе занимают субпассионарии – люди с пониженной пассионарностью. Наступает фаза обскурации, при которой процессы распада в этносоциальной системе становятся необратимыми. Везде господствуют люди вялые и эгоистичные, руководствующиеся потребительской психологией. А после того как субпассионарии проедят и пропьют всё ценное, наступает последняя фаза этногенеза – мемориальная, когда этнос сохраняет лишь память о своей исторической традиции. Затем исчезает и память: приходит время равновесия с природой (гомеостаза), когда люди живут в гармонии с родным ландшафтом и предпочитают великим замыслам обывательский покой.

Пассионарности людей в этой фазе хватает лишь на то, чтобы поддерживать налаженное предками хозяйство»²¹.

Весьма живописно и несколько сбивчиво, как это нередко у Гумилёва. Сколько ни пытаешься он выглядеть очень учёным, нагружая читателя сложной терминологией, но объяснения его скорее напоминают экстатические восклицания пророка или шамана, когда среди словесного сумбура вдруг являются прозрения истины.

¹⁹ Гумилёв Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. М.: Мишель и К°, 1993. С. 340.

²⁰ Там же. С. 346.

²¹ Гумилёв Л. Н. От Руси до России. М.: Дрофа; Наталис, 1996. С. 14–16.

Впрочем, пока ещё рано разбирать этот сумбур и объяснять ход этногенеза в целом; скажем лишь без комментариев, что в общем виде фазовую схему Гумилёва можно принять. Но одно существенное исправление нужно внести уже сейчас. Если внимательно присмотреться к определениям фаз акматической и надлома, становится совершенно ясно, что они представляют собой два определения одного и того же. Эти фазы по существу ничем не отличаются и похожи как близнецы. В самом деле, тут льётся кровь рекой и там то же самое. В акматической фазе чрезвычайное «внутреннее соперничество и резня», а фаза надлома начинается и заканчивается кровопролитием и резнёй – гражданскими войнами. Эти две фазы резко отличаются от смежных: с одной стороны – от фазы подъёма, с другой стороны – от фазы инерции, которые в целом являются периодами внутреннего мира и конструктивного созидания. Но как же их разграничить между собой? Неизвестно. Правда, Гумилёв находит одно отличие – уровень пассионарности: в акматической фазе, утверждает он, этот уровень наивысший, а в фазе надлома он резко падает. Но это утверждение не обосновано никакими объективными данными, носит совершенно умозрительный характер, а значит, вполне возможно, что разница тут мнимая. Ведь если бы отличие существовало, то должно же оно как-то проявляться в исторической действительности? А если оно никак не проявляется, что о нём можно сказать и откуда оно вообще возникло? Если бы нам не сообщил об этом Гумилёв, мы бы о нём и не подозревали. Но мы не обязаны верить Гумилёву на слово, всякое утверждение должно быть подкреплено фактами.

Прежде всего, вдумаясь в смысл самого понятия «акматическая фаза». Греческое слово «акме» означает «вершина».

Понятно, что в применении ко времени «вершина» – это какой-то достаточно короткий его период. А тут – целых 300 лет намерено! Это уже не вершина, не пик, а какое-то обширное плато получается!

Гумилёв и сам чувствовал, что акматическая фаза как-то не складывается в одно целое, и потому снабдил её таким комментарием: «Акматическая фаза особенно часто является весьма пёстрой и разнородной по характеру, доминантам и интенсивности протекающих этнических процессов»²².

Чтобы разобраться в проблеме, рассмотрим пару конкретных примеров. Возьмём для начала акматическую фазу великорусского этноса; по Гумилёву она продолжалась с 1500 по 1800 год. За это время в России сменилось несколько разнохарактерных периодов:

бурная экспансия XVI века с его великими завоеваниями и страшным террором Ивана Грозного;

«бунташный» XVII век, насыщенный внутренними конфликтами и смутами;

XVIII – век успешных войн, раздвижения внешних границ империи, устойчивого роста экономики и культуры.

И всё это собрано Гумилёвым в одну фазу. Не просматривается внутренне единства, рассыпается как-то всё. К тому же отсутствуют и чёткие границы этой акматической фазы. Достаточно сказать, что XIX век в России по своему характеру очень напоминает XVIII век, – пожалуй, является его прямым продолжением. Те же успешные внешние войны и завоевания, тот же стабильный рост экономики, расцвет культуры, та же относительная внутренняя стабильность. А у Гумилёва эти два столь сходных столетия разведены по разным фазам. Уж если что-то объединять и разъединять в русской истории, то XVIII век нужно объединить именно с XIX веком и оба вместе резко отделить от XVI и XVII веков.

Но, может быть, акматическая фаза всё-таки существует, но Гумилёв только неправильно её поместил? Период XVIII и XIX веков никак не похож на фазу надлома, скорее это инерция. Тогда XVI и XVII века придутся на надлом, а акматическая фаза займёт XIII–XV века,

²² Гумилёв Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. М.: Мишель и К°, 1993. С. 212.

т. е. в основном период монголо-татарского ига. Судите сами, насколько это время похоже на акматическую фазу. Кроме того, тогда подъём великорусского этноса будет проходить одновременно с подъёмом и расцветом Киевской Руси, что уже слишком явно противоречит реальности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.